

В.А. Бокатой

Зима и ночь. Зима — и мысль холопья:
свобода — пытка, если одинок.
И кружатся невидимые хлопья,
как ангелы, слетаясь на манок.

Так много их, а может быть, так мало! —
статистов, претендующих на роль
с единственным словечком для начала
или конца... Но реплика — пароль.

Он нужен тем, кто изменяет сущность —
свою? чужую? — неизвестно чью,
звездopodobной искоркой падучей
извечного противоборства чувств.

Поэтому идея безразличий —
пространства, времени — особенно ясна,
когда, как хор в трагедии античной,
снег объясняет, что не видно нам.

Он не идёт, а следует за теми,
кто приложил к губам судьбы рожок,
чтоб, извлекая звуки, видеть темень
и чувствовать: тепло, огонь, ожог.

Жанне

Слушай, надо ль считать зиму злой, роковой,
если на подоконнике живы фиалки
и цветут — невозможно понять для кого —
на пороге небесном двухкомнатной свалки.

За окошком мороз, а растениям тепло.
И светло даже ночью: фонарь, видишь, близко.
Утром тёплой водой мы под корень польём
эту нежную группу высокого риска,

чтоб фиалки внесли в новый день красоту,
чтобы розовым, и голубым, и лиловым
в нас дышали, когда в сердце чувства растут
и становятся взглядом, улыбкой и словом.

Когда правды иной, кроме нежности, нет,
когда так удивительно всё, что взаимно,
а за тюлем фиалок расцвет. И рассвет —
не весенний ещё, но уже и не зимний.

СТАНЦИЯ

На перроне теперь нет лоточков.
Чисто, сухо, и нет до меня
дела лопнувшим липовым почкам
и скворцам, что судьбу не винят,

не найдя своих старых скворешен.
Чем привлёк их уездный вокзал?
Может быть, тем, что люди здесь те же —
пешки в клетках добра или зла.

И, наверное, каждый здесь хочет
поскорее стать белым ферзём;
неприменно — героем, воочию
убедившись, что смелым везёт.

Эй, Игрок, хорошенько подумай,
чтобы сделать мной правильный ход.
Я готов, и без лишнего шума,
как положено, — только вперёд.

РАЗГОВОР С ТЕНЬЮ

Любая фраза кажется фальшивой.
Ты, Гамлет, прав. Что нам дадут слова,
когда о жизни знают больше ива
и жадная река?.. И всё ж давай

поищем вместе голос вешей скорби
отеческой в себе. Что значит я,
несущее груз ревности двугорбой
в мучительную близь небытия?

Ответа нет. Есть только та же почва,
плодящая мистических кротов,
подслушавших твой сон, а может, стон,
и говорящих всё, что слышать хочешь.

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

Откос в черёмухе отцветшей,
река, блеснувшая металлом —
и поезду тянуться легче,
хоть отстучал уже немало.

Сегодня, видно, вместе с ним ты
неотделим от чутких рельсов.
Поэтому и мир, открытый
тобой, был встречен с интересом

попутчиками (отдыхали)
и проводницей (суетилась).
Ты не был резок и нахален,
и многое тебе простили.

Благодари. Спроси, что слышно
в природе, когда песнь заводит
Боян, растёкшийся по вишням,
не изменившим вкус народа.

Узнай (пора!), какая вера,
по их догадкам, торжествует,
какая шельма или стерва
открыла правду им живую.

Спроси, что производит север,
чем пашут небо, землю бросив,
как тратят купленное семя,
уткнувшись в ту же почву носом.

Просеяв честные ответы
сквозь чувства трепетное сито,
внеси осознанную лепту
в потухший взгляд на мир. Открыто

готовь свой слабый мозг к ударам
неведомых тебе сомнений,
которые суть Божья кара
для городского населенья.

Интеллигентно умолкая,
советы верных рельсов слушай
и помни: нота есть такая,
что связывает кровь с минувшим.

И ты причастен тайне этой,
поскольку беззаветно едешь
в ту часть тебе родного света,
где дядя Федя съел медведя,

где леший был — теперь охотник,
плыла русалка — стала лодкой,
где сила звуков инородных
и щуку превратит в селёдку.

Хватай её за хвост, Емеля,
вели, чтоб совесть не молчала,
когда слеза достигнет цели,
где Слово, бывшее в начале.

* * *

Утро входит без стука. Отправив
изменившую память на отдых,
начинаю с азов свой бесславный
день седьмой на неделе. Как воду

в ступе ни заклинай, толку мало
от работы. В кармане не густо,
и судьба узелок завязала
на удары во имя искусства

превращения рта в водолея...
Для начала резон подкрепиться
летним воздухом, света елеем
и языческим пением птицы.

РОДНИК

Р. А. Кулаковой

В деревне, доживающей свой век,
искал родник с водой живою.
Мой проводник, последний человек,
и страшно сед, и странно стоек,

путь пролагал среди высоких трав,
скрывавших западни кротовых
бугристых нор. Он был безмолвно прав:
здесь чувство надобно шестое.

Тут, на периферии громких бед
и в сердце нищенки России,
где только свой годами видят след
неведомые нам мессии,

жить можно, полагаясь на инстинкт
или на волю Божью, чтобы
провидцем стать, забывчивых простить,
уйти и не восстать из гроба.

Я это всё осознавал, идя
за старцем, как его потомок,
а в сущности – последний из бродяг
с пустой сыновнею котомкой...

Низина. Ручеёк. И вот окно
воды блеснуло под ольхою.
Здесь было жажду утолить дано,
и жажда не была греховной.

Мой моисей с улыбкой наблюдал,
как благодатью наполнял я
бутыль из пластика, потом он вдаль
взгляд обратил, немой, усталый:

там, в сосняке, вместительный погост,
его, безропотного, ждущий...
Но ждал и я, заблудший, дикий гость,
понявший вдруг, как будет в райских куцах.

* * *

Будильник запел на рассвете,
как будто боясь не успеть.
Как двери, срывается с петель
рассудок, открыв только те

пространства и дали, что строго
написаны кистью зимы.
Ждёт посох, слепая дорога,
обещанной нет лишь сумы.

Прозрачный рисунок событий
шедевром уместно считать,
когда из себя голым выйдешь,
одев свежим чувством места,

далёкие от пониманья
ещё не решённых проблем,
когда из себя в бездну канешь
доказанных злом теорем,

когда, то ругаясь, то плача,
топча зимний сахар-песок,
подставишь снежинке удачи,
как пуле, бескровный висок.